

В. МАЛАХОВСКИЙ,
*секретарь штаба Красной гвардии
Выборгского района*

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА

Я приехал в Петроград в конце августа 1917 года с Западного фронта после ареста и отсидки за агитацию большевистских идей. В волость, к которой я был приписан из полка, где служил солдатом, была прислана бумага, согласно которой, на основании только что после июльских событий изданного Керенским распоряжения, я, наряду с тысячами других, навсегда изгонялся из армии, как «предатель родины и недостойный сын отечества».

Однако это меня ничуть не смущало. Побыв некоторое время на империалистическом фронте в солдатской среде, я не только теоретически, в силу принадлежности к партии большевиков издавна,¹ но и практически горел желанием поскорее приложить свои силы к делу пролетарской революции и к свержению «достаточно уже выявившего себя и всем ненавистного» правительства Керенского.

Поэтому, не желая ждать и использовать официальный партийный порядок по подысканию работы, я через своих старых друзей решил пойти на рядовую, но обязательно военную работу.

¹ С лета 1910 года, когда вступил в руководимый П. Ф. Куделли за Невской заставой в Петербурге социал-демократический кружок. (Примеч. автора.)

И с сентября я уже стал работать в качестве инструктора Красной гвардии. В старой армии я более не нуждался и с радостью отдавался работе в родной рабочей среде.

Положение революции и Красной гвардии к этому моменту было неблестяще.

После событий 3—5 июля контрреволюция задрала голову и неистовствовала вовсю. Наряду с разгромом большевистских органов печати и организаций, убийством отдельных большевиков, Временное правительство арестовывало вождей пролетариата, объявляло скрывшихся вне закона и т. д.

Одновременно с этим главное внимание Временного правительства, в большей части состоявшего из представителей «революционной демократии», было направлено в сторону разоружения пролетариата, расформирования ненавистной истинным хозяевам (буржуазии и помещикам) этого правительства Красной гвардии.

В это время Красной гвардии пришлось частью замаскироваться в форму заводской милиции. Конечно, число последней было несоразмерно велико для охраны заводов. И так как в заводской милиции служба обыкновенно происходила по очереди, ни для кого не было секретом, что это и есть Красная гвардия. Но уничтожить совсем Красную гвардию буржуазия и Временное правительство не могли. Они поэтому постарались изъять некоторое количество оружия, хотя и эту операцию провести сколько-нибудь удовлетворительно им не удалось.

Однако районные органы Красной гвардии, организованные по заводам, существовавшие в виде троек, комиссий, а кое-где называвшиеся и штабами, рассыпались к сентябрю довольно основательно. Так, когда я пришел инструктором на завод «Новый Лесснер», в Выборгском районе фактически не существовало ни штаба, ни тройки.

В районе, помимо меня, было еще четыре-пять инструкторов военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б), и нами, инструкторами, обслуживались заводы «Новый Лесснер», Эриксона и еще несколько ближайших заводов.

Отряды Красной гвардии существовали и на других заводах, можно сказать везде, хотя тогда статистики не велось и анкет также не было заведено. Отряды были

не только на крупных заводах, но и на мелких, например, на Оптическом, Струк-Эквала. Отряд последнего завода послужил верой и правдой впоследствии, во время переворота.

Из этого уже видно, насколько незначительно в то время было влияние военной секции при Центральном Комитете партии. За это ее справедливо упрекали на заседании ЦК и собрании активных работников в октябре, когда подсчитывались силы и решался практически вопрос о выступлении.

Конечно, извинением военной секции служит та колоссальная и незабываемая работа ее, которая была проделана ею в частях гарнизона. На организацию же в военном отношении рабочих и Красной гвардии не хватало времени, силы и не было опыта.

На эту сторону партией, к сожалению, обращалось мало внимания, и мы в значительной степени были предоставлены самим себе.

Между тем в Октябрьском перевороте Красной гвардии было суждено сыграть выдающуюся роль.

Мы решили использовать время на учебу, видя, насколько в этом нуждаются рабочие. Работая на оборону, рабочие не были мобилизованы, поэтому военной службы не проходили и, за малым исключением, не имели никакого знакомства с военным делом.

И вот началась муштровка. Сначала мы не решались злоупотреблять обучением на улицах и занимались в помещениях внутри завода. Так было на «Новом Лесснере», то же происходило и на других заводах.

Но вскоре, как только перешли от одиночного обучения к строю, мы вынуждены были выйти на улицу. Недолги были наши колебания, ибо особенно опасаться в нашем красном и сильном рабочем районе у нас не было оснований.

Таким образом нами быстро были захвачены полянки (свободные от застроек площади земли), которых имелось в Выборгском районе немало вблизи заводов.

На этих полянках мы развешивали свои шеренги, рассыпались строем, делали перебежки, наступления, маршировали, упражнялись во владении оружием. Работа кипела всюду. Целый день инструктировали мы сменяющиеся рабочие отряды, надрывались до хрипоты, наподобие унтеров в запасных батальонах.

Нужно, впрочем, сказать, что среди нас был лишь один из, так сказать, командного состава, это — подпрапорщик Соколов, кажется, убитый впоследствии. Остальные были исключительно рядовые и потому старались, как умели. Что и не умели, то восполняли усердием и искренним желанием научить тому, что сами знали.

Пожаловаться на своих учеников мы никак не могли. Несмотря на то что в рядах Красной гвардии находились не только молодые ребята, но часто люди весьма зрелого возраста, учение шло на славу.

Будучи развитее и смысленнее обычного элемента солдатчины — крестьян, рабочие быстро, с жаром и интересом усваивали воинские премудрости и успевали не по дням, а по часам, затмевая успехи обучения в царских казармах.

Политическое затишье перед корниловщиной отражалось на самочувствии отрядов в том смысле, что некоторые не видели в ближайшем будущем момента, когда потребуется применение результатов этого обучения. Это несомненно охлаждало некоторых рабочих, думавших, что они успеют еще до выступления выучиться военному делу. В общем и целом, отряды не только не рассыпались, но постепенно росли, чему, очевидно, способствовал также метод наглядной агитации — обучение рабочих на улице и сопутствующие ему беседы и разговоры.

Затишье оказалось весьма непродолжительным. Не успели мы еще что-нибудь сделать в смысле восстановления разорванных общерайонных связей, как разразилась гроза корниловского наступления.

«Не краснобай, а люди дела», генералы не дремали, спешили использовать момент для восстановления ничем не прикрытого полного господства буржуазии и помещиков.

Наступление Корнилова оживило политическую жизнь. Рабочий класс встрепенулся, как потревоженный муравейник. С низов стали раздаваться требования перехода к решительным действиям. Отряды Красной гвардии начали необычайно пополняться, еще усерднее готовиться к борьбе и усиленно искали оружия. Прежде чем можно было решить, что нужно предпринять, начали прибывать отряды из окрестностей. Прибывшими из Шлиссельбурга красногвардейцами, в количестве 600 мужчин и женщин,

была доставлена баржа с гранатами и взрывчатыми веществами.

Помню, когда корниловщина была подавлена, пришлось подумать, что делать с этим грузом. Тогда оружие было роздано частями по заводам, главным образом нашего района («Новый Лесснер», Эриксон, Парвияйнен), так как в других районах публика не решалась принимать, ибо чувствовала себя слабее. Военная организация у них была еще мало налажена.

Как известно, Красной гвардии не пришлось в дни корниловщины проявить себя так или иначе. Вооруженные силы контрреволюции, опиравшиеся на темноту и невежество, обречены были на поражение, как только они начали приближаться к сердцу революции — Петрограду. Отряды Корнилова не пошли против революции, и его силы буквально растаяли, как снег под лучами солнца.

В это время мы спешно и лихорадочно работали над сплочением нашей организации. Со стороны исполнительного комитета Выборгского районного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, бывшего всецело в руках большевиков с начала революции, были выделены новые работники. Кажется, что была «тройка». Из этих выделенных приняли горячее участие лишь тов. Михаил Стакун (рабочий завода «Новый Лесснер») и прапорщик Вишневецкий. Не помню точно, но думаю, что вряд ли последний входил в эту «тройку». Вернее, он представлял «военку» и был командирован районным комитетом. Из членов районного исполнительного комитета в «тройку» входили товарищи Василий Каюров и Александр Куклин.

Задачи и необходимость объединения всех этих разбросанных по заводам отрядов были ясны для всех, а для нашего ядра — инструкторов — тем более.

После того как влились товарищи от районного исполнительного комитета, у нас дело пошло быстро.

Красная гвардия существовала тогда на основах добровольчества. Для того чтобы в нее вступить, необходимо было иметь рекомендацию двух товарищей из рядов Красной гвардии или членов социалистической партии или рекомендации фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Писаной конституции не существовало, если не считать опубликованного в апреле

месяце в «Правде»¹ устава, который касался в общих чертах организационной стороны, предлагая лишь объединяться в десятки, сотни и т. д. Но для всех были ясны задачи Красной гвардии и правила товарищества, — ее этика.

Агитируя в старой армии за демократизацию ее строя, выборность начальников и т. п., мы и к Красной гвардии не могли подходить иначе, и наоборот — старались это проводить наиболее полно и добросовестно.

Для того чтобы создать штаб, мы решили созвать конференцию из выбранных от каждого строя делегатов по норме, которую сейчас не помню. Протоколы этой конференции и выработанный на ней новый устав были опубликованы в № 50 «Солдатской Правды» (орган военной организации при ЦК РСДРП(б)).

На этой конференции был избран районный штаб в числе, если не ошибаюсь, 11 человек. Туда входили: Вишневецкий, Стакун, Лось (от завода «Новый Лессер»), я; фамилии других не помню. Решено было добиваться объединения в общегородском масштабе, так как считали, что переворот был неизбежен в ближайшем будущем. Для усиления же состава отрядов и для того, чтобы оповестить о своем существовании, конференция решила обратиться с воззванием.

Важнейшим же решением этой конференции нужно признать принятие нового устава Красной гвардии. Подготавливаясь к созыву конференции, я написал новый устав, учитывая почти не применявшийся, напечатанный в апреле, а также практику последних месяцев и принципы организации регулярной армии. Этот проект, после тщательного обсуждения и с целым рядом поправок, был принят конференцией и затем получил широкое распространение.

Апрельский устав не отвечал потребностям всей практики. Новый устав делал большой шаг вперед, уточняя внутреннюю жизнь Красной гвардии и ее организацию.

Главное же в уставе было то, что он предусматривал не партизанскую работу десятков, а построение Красной гвардии по принципу армии: взводы, роты и т. д., сведение их в крупные единицы, придание отдельной части

¹ «Правда» № 44 от 29 апреля (12 мая) 1917 г. (Примеч. автора.)

(таковой являлся батальон) вида специальной части оружия. Всеми этими частями должны были руководить районные и главный штабы.

На общегородской конференции Красной гвардии, созванной за несколько дней до переворота, наш устав был взят за основу.

В общем и целом, применение к Красной гвардии армейских принципов было принято, но общегородская конференция, руководимая И. Ю. Юреневым, незначительным большинством, при энергичных возражениях всей выборгской делегации, которая была самой большой на конференции, внесла ряд поправок, которые лишь запутывали ясность и терминологию организации. Не желая предавать забвению старые наименования, Юренев и другие их отстаивали. Так, например, по этому уставу боевой единицей признавался «десяток», но десяток этот состоял из 13 человек. Затем четыре десятка уже составляли армейский взвод. Три взвода составляли не роту, а дружину; три дружины уже назывались по-армейски батальоном. Сам центр Красной гвардии не назывался привычным для солдатского уха — «штаб», а, по дипломатическим соображениям, тягучим и непонятным названием: «Центральная комендатура рабочих Красной гвардии».

Впрочем, эти изменения на практике не привились. Никто их не называл десятками и дружинами. В дальнейшем повсюду применялись военные названия: отделение, взвод, рота и т. п. Несмотря на советы конференции, районные центры Красной гвардии назывались штабами, и сама центральная комендатура через несколько дней после конференции, переименовала себя в Главный штаб Красной гвардии.

К первым же заседаниям районного штаба мною был приготовлен текст воззвания, который был принят штабом, напечатан и распространен в десяти тысячах экземпляров, попав далеко за пределы района.

То обстоятельство, что могли издаваться такие листки, призывающие весьма недвусмысленно к организации для свержения ига капитала и тиранов, делегаты Красной гвардии могли собираться открыто и печатать в газете отчеты о своих конференциях, а Красная гвардия обучаться на улицах города, — всё это достаточно убедительно.

тельно показывало всю слабость и беспочвенность Временного правительства и его движущих сил.

Корниловщина показала многое и заставила немало людей, ранее доверявших Временному правительству, согласиться с большевиками, что без дальнейшего развития и углубления революции она обречена на поражение, а рабочие и крестьяне — на закабаление.

Что могло дать Временное правительство? Сперва диктатуру генералов и усмирение рабочих. Дальше — полное политическое и экономическое господство буржуазии и помещиков и война без конца во славу «Дарданелл» и «союзников».

Подобные перспективы подливали масло в огонь нарастающего движения. Красная гвардия росла не по дням, а по часам. По рассказам и описаниям мне представляется, что часто во многих районах, благодаря слабости и неслаженности аппарата, организующего Красную гвардию, последний не был в состоянии использовать даже примитивно те огромные силы, которые к нему приливали. Это явление имело место даже в нашем районе, где аппарат создавался раньше других, а на предприятиях (следовательно, и в отрядах) находились передовые, квалифицированные, толковые рабочие, привычные к организации и солидарным действиям. Движение явно перерастало не успевающую развиваться организацию, захлестывало ее.

После корниловщины в штабе было обращено особое внимание на усиление вооружения. Сначала было с этим трудно, так как Главный штаб Красной гвардии (Центральная комендатура) организовался лишь в последние дни перед переворотом; тем не менее, кое-где частично добывали оружие через солдат, особенно через тех, которые были членами «военки». Так, очень скоро в помещении отряда на заводе «Новый Лесснер» (помещение конторки одной мастерской) очутился пулемет и несколько лент с патронами.

Чем ближе было к перевороту, тем всё больше дело вооружения упрощалось. Когда же Военно-революционным комитетом были назначены комиссары в воинские части и базы и, в частности, в склад огнестрельных припасов на Выборгской стороне, дело вооружения пошло совсем хорошо. Не успевали получать и перевозить оружие. Тут уже мы получили не только несколько сот

револьверов системы «Наган», несколько тысяч винтовок, пулеметы, но даже снаряды и пять артиллерийских орудий, полученных из Петропавловской крепости по мандату тов. Ленина.

Получали вооружение со склада огнеприпасов, из Сестрорецкого оружейного завода и через Главный штаб Красной гвардии.

За несколько дней до переворота и сразу после него несколько подвод целыми днями занимались перевозкой оружия частью в штаб, а главное — на заводы — для вооружения отрядов и, в особенности, для хранения про запас. Хотя повсюду в воинских частях и базах были комиссары Военно-революционного комитета, мы считали более надежным иметь запасы на заводах, чтобы в случае надобности обратить заводы в наши бастионы.

Наш районный штаб, выбранный на конференции во второй половине сентября, сконструировался сначала в следующем виде: был выделен президиум в составе трех товарищей — Вишневецкого (председатель), меня (секретарь), Стакуна (казначей). Затем вскоре приехал из поездки в провинцию тов. Кирилл Орлов (с завода «Айваз»), которого, как старого работника среди военных и красноармейцев, мы кооптировали в штаб и избрали председателем. Остальные члены штаба оставались на заводах и только во время переворота работали неустанно в штабе, имея каждый определенную функцию.

Помимо работы в области усиления обучения в отрядах и добычи вооружения, штаб занялся формированием частей, сведением в боевые единицы, выделением специальных частей, почти исключительно пулеметных команд.

Число членов Красной гвардии всё прибывало. Не помню сейчас, сколько мы напланировали реально частей. Но выходило так, что уже в конце сентября на «Новом Лесснере» сформировался батальон, в дни переворота там уже было 1000 человек, т. е. два батальона. Благодаря тому что во многих отрядах появились пулеметы, стали усиленно обучаться стрелять из них и было уже сформировано несколько пулеметных команд. Нужно сказать, что в штабе, который помещался в одной маленькой комнате квартиры дома, где была больничная касса завода Лесснера, оружие не оставлялось, а всё, что добывалось, немедленно пересылалось на заводы.

В той же квартире, где был штаб, помещался Выборгский районный комитет нашей партии, который являлся, так сказать, нашим шефом и где работала (секретарем) покровительствовавшая нам тов. Женя Егорова.

Но мало времени судьба определила нам для усовершенствования нашей организации.

События надвигались. Контрреволюция точила свои зубы.

Ленин из своего подполья также торопил партию. В нашей партии шли споры между колеблющимися и сторонниками немедленного выступления. В штабе Красной гвардии, конечно, ни одного колеблющегося. Все мы, в большей или меньшей мере, горели желанием решительных действий и в этом отношении от всех красногвардейцев во всех отрядах получали громкие выражения аналогичных единодушных желаний и нетерпения. «Когда же?» — спрашивали отовсюду. Помню свои личные переживания: как я горел огнем, как жаждал конца колебаниям и окончательного твердого решения выступить. Необыкновенное, незабываемое действие производили на меня статьи Ленина, находили ликующий отклик в душе, волновали и зажигали.

Эти статьи, эта накаленность атмосферы действовали почти на всех таким образом. Однако и в нашем районе были колеблющиеся, осторожные, хотевшие казаться благоразумными.

Перед переворотом стал к нам заходить один из таких колеблющихся, тов. А. Ф. Корнев (с завода Барановского) и вести беседы. Женя Егорова было всполошилась, опасаясь, как бы он ни смутил кое-кого из нас. Но я твердо заверил ее, что нас сам чёрт не переубедит, пусть она не беспокоится и относится хладнокровно к его посещениям.

Тот же товарищ Корнев в ночь переворота пришел ко мне просить работы. Я предложил ему организовать санитарную помощь. Мысль оказалась удачной, и для него дело было подходящее. Вместе с другими товарищами (Гляссер и др.) он наладил санитарную помощь, и именно ими был заложен тогда же фундамент пролетарского «Красного Креста».

В канун переворота был сформирован также продовольственный отдел, возглавляемый тов. Васильевым, который быстро самолично избрал себе подходящих и

усердных помощников. Добывалось продовольствие сначала путем захвата по записке штаба у перепуганных лавочников, и тут же оделялись им дежурившие или уходившие по наряду красногвардейцы и члены штаба.

Был выделен и специальный заведующий оружием — тов. Лось. Постоянным караульным начальником был назначен тов. Абрамов (с завода «Новый Айваз»).

Штаб наш разрастался. Пришлось занять еще две или три комнаты, где располагались приходившие и уходившие отряды.

Так же быстро, всё с той же первой ночи переворота, организовался и наш транспорт. Заведовать им был назначен тов. М. Стакун. Задача была решена очень просто: выставили на главные улицы маленькие патрули красногвардейцев и с их помощью захватывали всякие проезжавшие по Выборгской дороге (да и не только на ее территории, а забирались и в город) автомобили. Кроме того, в первые же дни были захвачены автомобили с завода Нобеля. Автомобили у нас сразу начали скапливаться массами, и мы явились поставщиками Смольного (Военно-революционного комитета). Несмотря на это, спустя еще месяца полтора, у нас в гараже (Михайловское артиллерийское училище) насчитывалось свыше 40 легковых и штук 5 грузовых автомобилей. Не мало их было поломано, и долгое время они оставались на улицах, так как никто не позаботился убрать их. Поломки происходили оттого, что автомобилями управляли рабочие, взятые с заводов, ввиду саботажа большей части шофёров, обычно убегавших вместе со своими господами из Петрограда.

Наступила ночь на 25 октября. В центре решено было выступать. По районам были отданы распоряжения законспирировать книги, документы, списки членов партии и Красной гвардии и т. д. Всё это, конечно, делалось на всякий случай. Чувствовалась какая-то торжественность, нервы были напряжены.

В это время Красная гвардия нашего района представляла солидную силу для города, и на нее были возложены серьезные надежды. В течение дня, особенно вечера, мы успели выслать немало отрядов по распоряжению Военно-революционного комитета, а часть их сосредоточить в штабе. Так как места в штабе было мало,

красногвардейцы расположились по соседству, заполнили помещение Выборгского районного Совета. Сразу же, по собственной инициативе, они заняли Литейный, Сампсониевский и Гренадерский мосты. Охрана была столь крепка духом и воинственна, что никакие банды белогвардейцев и юнкеров, разоружавших и убивавших отдельных красногвардейцев в центре города, не решились ввязаться с ними в стычку. Все же остальные члены Красной гвардии были объявлены мобилизованными и находились под ружьем на заводе, ожидая ежеминутно приказа выступить всему заводскому отряду или отправить часть его.

К ночи ухнуло орудие крейсера «Аврора», заговорили ружейные выстрелы, застрекотали пулеметы. Наши отряды участвовали во взятии Зимнего дворца, при захвате телефонной станции, Государственного банка, в охране Смольного, находились в Петропавловской крепости и т. д. В последующие дни выборгские красногвардейцы участвовали в атаке на Владимирское юнкерское училище, в обратном захвате телефонной станции и т. п.

Как известно, переворот совершился почти бескровно. Реакция смогла оказать сопротивление лишь в воскресенье, 29 октября. В этот день с утра начали поступать неблагоприятные известия о наших поражениях и успехах белогвардейцев. Начались восстания в юнкерских училищах, волнения в казачьих частях, захват юнкерами телефонных станций и т. п. Помню, как приехал из Смольного тов. К. Орлов и на заседании штаба Красной гвардии рассказывал о довольно неважном положении дел. На несколько минут в штабе воцарилось уныние. Перед глазами всех как бы прошел призрак неудачи восстания... Но затем встряхнулись... Была не была, есть чем помянуть: хоть на четыре дня да прогнали министров-капиталистов. Заговорили, зашутили и снова окунулись с головой в работу.

В действительности оказалось, что дела не так-то были печальны. Всего через несколько часов, к вечеру, стали поступать радостные вести: «Телефонная станция снова наша, юнкера разбиты, казаки, помитинговав и частично поколебавшись, перешли на сторону Советской власти».

Этим дело, как известно, не ограничилось. Пришлось нашим красногвардейцам поработать и под Пулковом.

В боях под Пулковом сразу же выяснилась полная непригодность Красной гвардии к таким задачам. С одной стороны, красногвардейцы показывали необычайный героизм, самопожертвование, готовность умереть, холодать и голодать, своим энтузиазмом заражали и поддерживали солдат гарнизона, настойчиво требовали снарядов, патронов на передовые позиции, беспрекословно выполняли все приказания, без малейшего намека на желание дезертировать шли на позиции. Ни в какой мере нельзя говорить, что петроградские рабочие дрогнули хотя бы на минуту. С другой стороны, эта лучшая по духу армия не могла бы продержаться сколько-нибудь продолжительно, так как не имела правильной централизованной организации, а главное, снаряжение этих прекрасных бойцов было рассчитано на то, что прямо от станков они идут в бой, не имея собственных продовольственных и значительных огневых баз. Если еще в городе как-нибудь можно было обходиться без этого, то здесь, на Пулковских высотах, положение складывалось весьма затруднительное. Единным духом Краснова с Керенским разбить было нельзя, пришлось поканителиться несколько дней, а для этого требовалось снабжение красногвардейцев хоть какой-либо пищей. Особенно старался для наших отрядов в этом направлении тов. Врублевич (с завода «Новый Парвайнен»), бегавший повсюду и добывший с большим трудом походную кухню, которую с еще большими затруднениями он перевез на позиции.

Был еще один характерный и существенный недостаток Красной гвардии: это — особое удалство. Так, когда перешли в наступление, часто во время перебежек красногвардейцы не наклонялись совсем, отчего не мало полегло лишних жертв. Многие красногвардейцы еще при обучении на полянках Выборгской стороны делали такие удалые перебежки. Когда же мы, обучавшие их солдаты, указывали на недопустимость этого, то получали в ответ, что сгибание при перебежках и стрельба лежа позорны для революционеров, показывают трусость. Не легко было еще на учении доказывать, что наши указания — это старые военные правила отнюдь не для трусов, и никакой надобности и разумности нет в подставлении без пользы своих лбов под пули врагу.

Наконец, бои закончились, белогвардейцы и в городе,

и вокруг него были разбиты. Но работы у нас не убавлялось. Всё это время приходилось работать с колоссальной напряженностью в невероятно неблагоприятной обстановке. Скоро Выборгский районный Совет и другие организации, а также красногвардейский штаб решили переехать в новое помещение, так как в старом было очень тесно. Ввиду того что район — сугубо рабочий, помещения лучше прежнего не могли найти. Новым центром, где стала бить ключом жизнь района, оказался трактир (на Сампсониевском проспекте) под названием «Тихая долина», где было отнюдь не тихо и не мирно.

Вот в это помещение, где удобна была лишь большая зала для красногвардейцев, штаб и перевелся. Снова в крошечную комнатку каждый день каким-то чудом набивалось по несколько десятков человек. В этой маленькой комнате разрешались все вопросы, здесь же опрашивали арестованных, сюда приводились разоруженные защитники режима «коалиции» — ударницы женского батальона (из Левашева). Здесь была главная пружина всего механизма военной работы Выборгского района. Работа шла днем и ночью. Члены штаба Красной гвардии тут же и спали в течение полутора месяцев; некоторые из нас, бывало, не выходили из штаба или с его двора по неделе. В первые дни Октябрьской революции трудно было сказать, когда работники штаба спали и спали ли вообще, частенько отмахивая двое, трое суток без всякого сна. Бывало, К. Орлов, сидя на заседании, закрывал глаза и засыпал. Когда мы старались ему не мешать и обходиться без него, он вдруг через несколько минут просыпался, открывал рот и подавал свою реплику или просил слова.

В этой работе штаба Красной гвардии на мою долю выпала роль, так сказать, быть начальником штаба боевой единицы, какой являлась Красная гвардия Выборгского района. Мне приходилось руководить работой всех отделов штаба, держать связь с Петроградским военно-революционным комитетом и нашими отрядами, расположенными на заводах или отправленными по нарядам, получая приказание центра немедленно снаряжать отряды, вызывая их с завода, распоряжаясь о выдаче оружия, патронов, пищи и т. п.

Учета тогда у нас не велось не только по бесчисленным анкетам, как принято сейчас, но и по записной

книжке. Зная лично подробно все отряды, их начальников, помощников, красногвардейцев, число которых в районе в первые недели переворота мы исчисляли в десять тысяч человек, я руководствовался тем, что хранилось в моей памяти. В конце концов я так освоился, что никакое распоряжение из Смольного о высылке отрядов, патрулей для связи и т. п. не могло поставить меня в тупик. Моментально находил людей. А народец тогда в районе был на подбор, молодец к молодцу. Кого ни ткни, — никогда краснеть не придется, и действительно не приходилось. Конечно, учет и некоторые документы были и, вероятно, сохранились и по сей час. Велись протоколы как в штабе, так и на заводах, списки членов отрядов и т. п.

Такая богатая почва, как район Выборгской стороны, дала возможность нам настолько организовать Красную гвардию, что все до единого красногвардейцы были использованы: основной базой Военно-революционного комитета Петроградского Совета, его главной опорой была Красная гвардия Выборгского района. В то же время и в других районах красногвардейцы насчитывались тысячами, а в действии проявили себя гораздо слабее. В дни переворота из нескольких районов, и даже из Кронштадта, приезжали к нам учиться, как организовать Красную гвардию и ее штаб, а Второй городской район приезжал лишь через месяц после переворота за тем же. Так как внешние сношения и всякого рода представительства у нас были поручены тов. К. Орлову, частенько пропадавшему на несколько дней, то мне приходилось сплошь и рядом целиком руководить всей работой.

В первые недели, конечно, работа шла и направлялась без всяких заседаний; впоследствии, однако, они бывали часто, вообще говоря, демократизм соблюдался весьма большой. За время существования Красной гвардии после переворота было собрано, согласно уставу, несколько выборных конференций, на которых штаб переизбирался, в основном, в том же составе.

Авторитет штаба стоял высоко, спайка его с отрядами и людьми Красной гвардии была теснейшая, дисциплина и подчинение царили необыкновенные. Несмотря на то что рабочие на счет военной дисциплины до революции не мало прохаживались, они сами в Красной гвардии

естественным путем установили суровую военную дисциплину, понимая всю ее необходимость и целесообразность.

Патрульная служба была поставлена недурно, и сами красногвардейцы несли ее с честью. Ни один автомобиль не мог без пропуска штаба Красной гвардии или Военно-революционного комитета сделать ни одной поездки по району. Особенное внимание обращали постовые красногвардейцы при просмотре пропусков на штампель, который был сделан из меди: на нем был нарисован флаг с надписью: «Война войне», воткнутый в землю. Первым долгом смотрели, есть ли оттиск этого штампеля, и тогда спокойно пропускали. Несмотря на то что ВЦИК был уже наш, его пропуска и мандаты долго не имели силы не только в районе, но и в целом городе. Нельзя было доверять, всегда можно было ожидать со стороны социал-предательских деятелей использования имени ВЦИК.

